

ПИСЬМА ПИФАГОРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН В ИСТОРИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

А. С. АФОНАСИНА

Томский государственный педагогический университет

Новосибирский государственный университет

afonasina@gmail.com

ANNA AFONASINA

Tomsk State Pedagogical University

Novosibirsk State University, Russia

THE LETTERS OF THE PYTHAGOREAN WOMEN IN THEIR HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL CONTEXTS

Abstract. The letters of the Pythagorean women, designed to support the Pythagorean ideal of education in the context of the revived interest to Pythagoreanism around the first cent. CE and considered until the 19th century as the authentic ones, are examined in this article in the context of the rhetorical schools of Early Roman period. Putting these letters in the context of pastoral ones, we can also suggest that the Pythagorean letters were written with an ideological aim, as a counterbalance to the strengthening Christianity. I discuss the testimonies about Theano in their chronological order and question one of the conventional dating of the letters, attributed to her name. The second part from the letter Theano to Eubule is published in my translation, for the first time in the Russian language. Overall, this article is conceived as an introduction to a forthcoming commented translation of the letters of the Pythagorean women.

Keywords: Pythagoras, Pythagoreanism, Dicaearchus, epistolary genre, female letters, Theano, Plutarchus, cynics, Crates, Hipparchia.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-10002).

«Аристоксен утверждает, что большая часть этических положений взята Пифагором у Фемистоклеи, дельфийской жрицы»
(DL VIII, 8. Пер. М. Л. Гаспарова)¹

Этим свидетельством я бы хотела начать свои разыскания о возможном историческом, литературном и философском контексте, в рамках которого увидели свет подложные письма пифагорейских женщин.

Мы знаем, что положение женщин в пифагорейском союзе было достаточно высоким и в лучшую сторону отличалось от того, которое определялось для них социальными конвенциями VI в. до н. э. Многочисленные упоминания о семье Пифагора и других ранних пифагорейцев, обращение Пифагора с речами к разным группам населения, в том числе и к женщинам, включенность семьи в социальную жизнь полиса и участие в праздниках говорит о том, что женщины в данном сообществе обладали высоким социальным статусом. Вероятно, они могли получать образование и впоследствии сами воспитывать молодое поколение. Свидетельство Аристоксена помогает понять, почему такой поворот произошел в пифагорейском союзе: внимание Пифагора к женщинам как к носительницам особой женской мудрости могло быть связано с фактом его ученичества у жрицы.² Причем приобретенное им знание было как раз этического характера.

¹ Похожее свидетельство мы встречаем у Порфирия, который правда называет несколько иное имя дельфийской жрицы: «Учил он и другому – тому, что усвоил, по его словам, от дельфийской Аристоклеи» (Порфирий *Жизнь Пифагора*, 41., пер. М. Л. Гаспарова). Вероятно, источник этой информации все тот же Аристоксен.

² Карл Хаффмен в недавней работе *The Peripatetics on the Pythagoreans* (Huffman 2014) обосновывает положение о том, что Аристоксен и Дикеарх по-разному относились к пифагорейской истории, и их свидетельства полностью обусловлены их личным отношением, в первом случае благоприятным, во втором – критическим. Так, согласно сообщениям Дикеарха, перед нами вырисовывается образ Пифагора-революционера, который мог представлять угрозу традиционным устоям и принимался жителями многих городов с опаской. Хаффмен считает, что эпитет ψυχαγωγός, которым Дикеарх называет Пифагора, выбран не случайно. Он указывает на то, что своими речами Пифагор буквально очаровал жителей Кротона, которые не только последовали его советам, но и позволили ему говорить со своими женщинами. Именно в таком свете становится понятным свидетельство Дикеарха, дошедшее до нас через Авла Гелия (*Аттические ночи* 4, 11, 14), в котором перипатетик рассказывает о том, что Пифагор раньше был «публичной женщиной с прекрасным лицом, по имени Алко». Хаффмен поясняет, что «его [Пифагора] рождение в качестве красивой проститутки Алко очень хорошо подходит намерению

Самой известной женщиной того периода по праву считается Теано. Древнейшее свидетельство о ней мы встречаем у Дикеарха (фр. 33 Wehrli = Порфирий *Жизнь Пифагора*, 18), согласно которому Теано стала одной из учениц Пифагора после того как он произнес в Кротоне свои знаменитые речи.³ По свидетельству же Порфирия (*Жизнь Пифагора*, 4) Теано, уроженка Крита, родила Пифагору дочь Мио и сына Телавга.⁴ А по свидетельству Ямвлиха (*О пифагорейской жизни*, 267), Теано была женой Бротина из Метапонта. Следовательно, независимо от конкретики родственных отношений между Теано и Пифагором, важно то, что по общему мнению в те далекие времена она входила в ближайшее окружение Пифагора и прославилась своей мудростью. Пока что не очень много. Но со временем ее образ начинает обрастать новыми подробностями.

В своем *Наставлении супругам* (142С–Е) Плутарх приводит сюжет, который отражает характер Теано как сдержанной и скромной женщины. Этот сюжет очень важен для нашего понимания того, в каком контексте могли появиться письма, написанные от ее имени. В этом месте Плутарх рассказывает такую историю: «Теано, набрасывая на себя плащ, нечаянно обнажила руку до локтя. «Какая красивая рука!» – воскликнул кто-то. «Но не каждому доступная!» – возразила она» (здесь и далее перевод Э. Г. Юнца). Этим примером Плутарх иллюстрирует способ поведения порядочной женщины, показывая тем самым, что она «не только руку свою, но даже разговоры не должна выставлять напоказ, и подавать голос при посторонних должно быть ей так же стыдно, как раздеваться при них, ибо голос выдает и нрав говорящей, и свойства ее души, и настроение».⁵ По сообщению Диоге-

Дикеарха изобразить Пифагора как заколдовавшего Кротон. Как проститутка склоняет мужчину к тому, чтобы он пренебрег социально одобренным поведением, так и Пифагор использовал напускное очарование, чтобы подорвать социальный уклад» (Huffman 2014, 258).

³ См. новый перевод фрагментов Дикеарха на русский язык и предварительные замечания к ним: Афонасин 2017.

⁴ Эти имена стали настоящей приманкой для создания подложных писем и трактатов. От лица Мио якобы написано письмо Филис о том, как правильно выбрать кормилицу, а Телавгу приписывается трактат «О тетрактиде» в 4 книгах (Суда, под словом «Телавг») и письмо к Филолаю (Диоген Лаэртский, VIII, 53, Thesleff 1965, 189). Хотя в другом месте Диоген Лаэртский пишет, что, в отличие от своей матери Теано, Телавг никаких сочинений не оставил (DL VIII, 43).

⁵ Данное замечание приближает нас к пифагорейскому контексту. Приписываемый пифагорейцам обет молчания Л. Я. Жмудь (2012, 137) интерпретирует в свете слов Аристоксена: «не говорить всё всем» (fr. 43 Wehrli), что может быть понято как совет: «детям (или юношам) не следует говорить то же, что и взрослым».

на Лаэртия (DL VIII, 43) Теано дает женщинам такой совет – когда та идет к своему мужу, то вместе с одеждой пусть снимает и стыд, а вставая с ложа вместе с одеждой вновь облачается и в стыд. Более того, именно стыд, по словам Теано, является тем, что дает право женщине зваться таковой. В *Строматах* (I, 80, 4; II, 52, 12–14) Климент Александрийский передает свидетельство Дидима из его сочинения *О пифагорейской жизни* о том, что Теано из Кротона была первой из женщин, которая начала философствовать и писать стихи. В *О пифагорейской жизни* 132 Ямвлих продолжает рассказ о ней: «К ней пришли жены кротонцев и попросили ее убедить Пифагора, чтобы он поговорил с их мужьями о целомудренном отношении к ним».

Все это может говорить о том, что в пифагорейском союзе присутствовало своего рода распределение ролей в обучении добродетели, и Теано выступала в качестве учителя для женщин, при этом женская мудрость признавалась наравне с мужской.

Образ мудрой женщины, искушенной в следовании женским добродетелям и поддержании здоровой атмосферы в семейных отношениях пронесся через века и с новой силой проявился в начале нового тысячелетия в письмах, приписываемых Теано. Все эти письма – их насчитывается семь⁶ – признаны подложными, и датируются периодом с конца II по V вв. н. э.

Самым ранним свидетельством о письмах Теано является краткий пересказ одного из них у Юлия Поллукса в его *Ономастиконе* (10.21) во II в. н. э. Упоминается письмо «жены Пифагора Теано», адресованное Тимарете, и говорится, что речь в нем идет об общности имущества, о домохозяине и домохозяйке, о воздержании от пустословия.⁷ Упомянутое письмо Теано Тимарете⁸ нигде больше не фигурирует. Тем не менее это свидетельство важное, так как в нем впервые имя Теано связано с эпистолярной традицией. Другим ранним свидетельством является *Papyrus Hauniensis* II. 13, который содержит фрагменты письма Мелисы Клерете и первую строку из

⁶ Речь идет о полностью сохранившихся письмах.

⁷ ἀλλὰ μὴν τὸ κοινότητα τοῦτ' καὶ μᾶλλον τεθρυλημένον, τὸν οἰκοδεσπότην καὶ τὴν οἰκοδέσποιαν, οὐκ ἀποδέχομαι μὲν τοῦνομα, ὡς δὲ ἔχης εἰδέναι, μὴνύω σοι ὅτι καὶ ταῦτα ἄμφω εὔρον ἐν Θεανούσ τῆς Πυθαγόρου γυναικὸς ἐπιστολῇ πρὸς Τιμαρέταν γραφείσῃ (Pollux, On. 10. 21).

⁸ О древней греческой художнице Тимарете (V в. до н. э.) сообщает Плиний Старший в *Естественной истории* XXXV, 35-59, 40.147. Если это не простое совпадение, то, возможно, имя известной художницы использовалось для придания посланию большей достоверности.

письма Теано Евбуле. Этот папирусный документ датируется его издателем III в. н. э.⁹

Для нашего исследования немаловажно описание самого артефакта. Письмо Мелиссы Клерете и первая строка письма Теано Евбуле написаны на оборотной стороне (*in verso*) папируса, в то время как лицевая сторона содержит неопубликованный «официальный документ». Указание на это имеется в первой части работы А. Бюлоу-Якобсена (Bülow-Jacobsen 1981). Верхний правый угол оборван, и письмо Мелиссы написано на том, что оставалось доступным для письма. То есть папирус был поврежден после написания документа и стал непригодным для первоначальной цели. Но так как писчий материал в античности являлся дорогостоящим продуктом, обратная сторона папируса была, по-видимому, использована для написания другого, менее значимого текста.¹⁰ В связи с этим я могу предположить, что написанные на оборотной стороне папируса тексты были школьными упражнениями, которые особенно часто практиковались в риторических школах II–III вв. н. э. Более подробно об этом пойдет речь ниже.

Итак, мы видим, что уже во II в. н. э. появилась информация о письмах Теано, а в следующем за ним столетии сами письма материализовались в виде папирусного фрагмента.

Рассмотрим в целом, какие письма пифагорейских женщин дошли до нас в составе средневековых рукописных собраний. Это письма Мелиссы, Мии и Теано. Их насчитывается пять – письмо Мелиссы Клерете, письмо Мии Филис, три письма Теано – Никострате, Евбуле и Калисто, которые передаются в ру-

⁹ Точное происхождение папируса, согласно его издателю, не известно (Bülow-Jacobsen 1981, 1–3). Рафаэлла Крибиоре (Raffaella Cribiore) внимательно изучила фотографию этого папируса и предположила датировку началом четвертого века н. э.: «Я могу сказать вам, что подчерк в P. Naup. II 13 является полу-литературным подчерком, превосходным в смысле удобочитаемости. Я бы датировала его началом четвертого века н. э. Поскольку свиток явно сохранил собрание писем, его нельзя назвать учебной моделью. Модели всегда не такие исчерпывающие. Этот переписчик очень способный, но трудно сказать, создавал ли он книгу для частной библиотека (возможно ученого) или этот вид писем использовался в философских школах (я сильно в этом сомневаюсь). Женщины точно не достигали такого уровня образования и для большинства женщин чтение этого папируса было практически невозможным (из переписки по электронной почте, датированной 7 марта 2007)». Поскольку папирус был опубликован в 1981 году, он был недоступен для издания Штеделе, так что комментарии Бюлоу-Якобсена о связи между папирусом и поздней традицией манускриптов очень полезны.

¹⁰ P. Naup. II 13 не включен в собрание писем «настоящих» женщин Роджера Баньяла и Рафаэллы Крибиоре (Bagnall, Cribiore 1988).

копиях как правило все вместе или с разными незначительными вариациями. Независимо в составе Vaticanus Gr. 578 сохранилось также четыре письма Теано, адресованные Евридике, Тимониду, врачу Евклиду и философии Родоппе.¹¹ Все эти письма примечательны по нескольким причинам. Действительно, в собрании Рудольфа Херхера (*Epistolographi Graeci*. Paris, 1873), которое включает в себя более 1500 образцов античной эпистографии, письма, написанные женщинами или фигурирующие под женскими именами, встречаются очень редко. Но еще реже там встречаются письма, написанные женщинами и адресованные женщинам. Как правило речь идет о фиктивных письмах гетер, которые изготовлялись на заказ для различных собраний, например, Алкифрона или Феофилакта Симокатты. Имена таких женщин философов как Гиппархия (Кратет, письма 28–33, стр. 214 и сл. Hercher) или Гипатия (Synes. Epist. 10 p. 30 G.) встречаются лишь в роли адресатов. Поэтому письма, надписанные именами трех пифагорейских женщин Мелисы, Мии и Теано, стоят особняком в этом собрании и сильно отличаются по содержанию. В них излагаются практические советы в выборе конкретной жизненной ситуации, в которых особенно нуждаются женщины, и все они адресованы более молодым и еще неопытным подругам.

Дальше я попытаюсь ответить на вопрос о том, кто мог быть составителем этих писем и какую цель преследовал. Пока что обратим внимание на то, что для своего замысла сочинитель выбрал имена пифагорейских женщин. В этом уже есть определенный подтекст, и состоит он в том, что женщины в пифагорейском сообществе играли заметную роль, а также потому, что от Мелисы, Мии и Теано, как и от других жен и дочерей философов, могло ожидать своего рода введение в женскую благовоспитанность. Несмотря на свою подложность, пифагорейскими эти письма тем не менее могут быть названы потому, что темы благоразумия и умеренности, общности имущества, пренебрежения богатством, скромности и довольства малым, воздержания от пустословия занимают в них, как и во многих эклектичных неопифагорейских произведениях, центральное положение.

Альфонс Штеделе датирует первые пять писем II в. н. э., основываясь на их содержательном анализе, сравнивая словоупотребление и синтаксис с

¹¹ Четыре письма Теано сохранились в виде единого собрания в ватиканском папирусе (Vaticanus Gr. 578., XVI в.). Переписчик оставил свой комментарий по их поводу, отмечая, что письма Теано стоят рядом с письмами Святой Макрины. Их расположение рядом друг с другом в одном папирусе должно было, по-видимому, демонстрировать превосходство христианской мудрости над языческой. Однако курьез состоит в том, что писем Св. Макрины не сохранилось, а письма Теано до нас дошли. Подробнее см. Staedele 1980, 334.

различными сочинениями указанного периода.¹² Как выяснилось позже, этот вывод подкрепился находкой папируса (P. Naup. II 13), о котором говорилось выше. А другие четыре письма Теано (Евридике, Тимониду, врачу Евклиду и философине Родопе) он датирует V в. н. э., считая, что по содержанию и форме (эти письма значительно короче первых пяти) они больше вписываются в контекст поздней софистики. Основным аргументом здесь выступает наличие еще одного письма «Теано Евридике» написанного Феофилактом Симмокаттой с риторической целью. По этому поводу я хотела бы высказать возражение. В конце своего обстоятельного труда о пифагорейских письмах А. Штеделе приводит список слов и выражений эллинистического и римского периодов, которые встречаются в каждом из писем. Что касается пяти писем Мелисы, Мии и Теано, то для них это выглядит вполне очевидно – они датируются II веком, и их составители еще употребляют слова близкого периода. Но если посчитать сколько таких слов и выражений имеется в письме Теано Евридике (одного из тех, которые Штеделе датирует V веком, из Vaticanus Gr. 578), то оказывается, что процентное содержание слов и выражений, типичных для более раннего периода, по отношению к остальному тексту здесь даже больше, нежели в другой группе писем, датируемой II в. Так, например, в письме Мелисы Клерете, которое состоит из 26 строк, Штеделе насчитывает 9 слов и выражений эллинистического и римского периода; в письме Мии Филис (34 строки) – 12 слов; Теано Евбуле (42 строки) – 10 слов; Теано Никострате (65 строк) – 20 слов; Теано Каллисто (44 строки) – 17 слов. И вот письмо Теано Евридике – 14 строк и 6 слов. Выходит, что это последнее ничем не уступает предыдущим и его словоупотребление столь же близко к эллинистическому и римскому периоду. Это может означать, что, либо составители тщательно продумали свою стратегию и намерено выбирали слова и выражения подревнее, либо численно-словарный метод для датировки не является надежным.

Самым подходящим местом и окружением для составления этих писем Штеделе считает риторические школы. Действительно, в начале II в. н. э. интерес к греческой учености, признание ее в качестве источника знаний привели к возрождению риторики и появлению большого числа образовательных учреждений. В риторике же одним из методов обучения было подражание. Ярким примером искусного подражания может служить речь, написанная Геродом Аттиком, побуждающая спартанцев прийти на помощь фессалийцам против македонян. М. Л. Гаспаров отмечает, что «это подражание речи Фрасимаха (жившего в конце V в. до н. э.), и подражание

¹² Он отмечает их близость к работам Руфа из Эфеса, Сорана и Галена, см. Staedele 1980, 352.

настолько искусное, что до самого последнего времени многие ученые считали его подлинным памятником V в. до н. э. – так точно воссоздана там историческая ситуация и так безукоризненно и непритязательно передан аттический диалект» (Гаспаров 1983, 494).

Среди школьных жанров особенно стоит отметить экфрасис и письмо. Экфрасисы максимально живо передавали впечатление от картины или статуи, причем описываемые произведения искусства были выдуманными. Письмо же «привлекало возможностью стилизовать язык и мысли великих людей древности, не прибегая к высокопарным приемам декламаций: так были сочинены письма Фемистокла, в которых он рассказывает историю своего изгнания, письма Сократа, в которых он рассказывает о своих семейных делах, письма Диогена, в которых он учит своей кинической мудрости, и т. п.: риторическая форма и философское содержание совмещались в этих письмах очень удобно. Сборники этих фиктивных писем долго считались подлинными произведениями Сократа, Диогена и пр.; установление их неподлинности в XVIII в. стало эпохой в истории филологии» (Гаспаров 1983, 494). Подходя к вопросу с этой стороны, мы действительно можем поместить письма пифагорейских женщин в подобный исторический контекст. Действительно, в них используются имена древних авторитетных персонажей, употребляются эллинистические слова и выражения, осуществляется попытка изобразить дорический диалект и характер героев, то есть применены те же приемы, что и в случае с искусной подделкой Герода Аттика.

Однако другой исследователь (точнее исследовательница) пифагорейских и пасторальных писем А. Б. Хейзенга идентифицирует эти письма как «текстологический ресурс» для нравственного образования женщин (Huizenga 2013, 30). Попробуем посмотреть с этой стороны. Хейзенга сравнивает пифагорейские письма с пасторальными. Последние по ее мнению составлены исключительно с воспитательной целью (и не только женщин), причем пифагорейские письма отличаются даже большим оптимизмом в плане женского образования.¹³

Учитывая тот факт, что для нового христианского учения письмо выполняло консолидирующую функцию (необходимость объединить христиан во всем мире), можно распространить это обстоятельство и на появление псевдопифагорейских писем. Язычники и христиане в борьбе друг с другом старались упрочить свои позиции. Пифагор и созданный им идеал общины вполне мог конкурировать с христианским учением. Должно быть, поэтому

¹³ “... the Pythagorean letters seem more optimistic about the moral “teachability” of the female sex”, *ibid.*, p. 369.

новым сторонникам древнего учения понадобилось оживить славу великого учителя и его отношение к семейной жизни и воспитанию. Глашатаями Пифагорова учения в поздней античности выступают письма пифагорейских женщин, из чьих уст советы по уходу за детьми и их воспитанию звучат наиболее убедительно. Таким образом, письма пифагорейских женщин представляли собой пример языческой мудрости и морали в противовес набирающему силу христианству.

Это же обстоятельство отмечает И. М. Нахов в связи с появлением корпуса кинических писем: «Античное публицистическое письмо в силу своих жанровых особенностей становилось удобным средством политической агитации и философской пропаганды» (Нахов 1996, 33). Действительно, письмо отличается краткостью содержания, но в то же время оно наполнено основными мыслями, изложенными в доступной форме, выраженными достаточно эмоционально и увлекательно. Кроме того, если женщины и готовы были читать, то уж точно не громоздкие философские трактаты. Таким образом, если мы исключим такую вероятность появления пифагорейских писем, то упустим важный исторический момент, а именно борьбу приверженцев античных ценностей с новой идеологией.

Конечно в этих письмах напрямую протест не выражен. Но это и не нужно было. Сопротивление «не словом, а делом» – мне кажется, что именно так можно представить себе настроение рассматриваемых сочинений II в. н. э., к числу которых стоит отнести не только пифагорейские письма, но и корпус кинических писем. Ярким примером может служить письмо киника Кратета его жене Гиппархии. Приняв кинический образ жизни, Гиппархия отличалась пренебрежением к традиционным условностям, особенно стремясь к занятиям философией. «Разве плохо я рассудила, что стала тратить время не на станок и челнок, а вместо этого – на воспитание?» – спрашивает Гиппархия Феодора, упрекнувшего ее в том, что она оставила домашние дела (DL VI, 98).

Почти все пифагорейские женские письма в своей основе имеют тему воспитания: Мелисса рассказывает Клерете как должна вести себя благовоспитанная женщина, во что одеваться, как общаться с мужем, как она должна относиться к косметике и украшениям; Мия рассказывает Филис как выбрать кормилицу для новорожденного младенца, какими качествами она должна обладать, и в каких условиях лучше растить ребенка; в письме к Евбуле эта тема продолжается, но здесь Теано критикует подругу за то, что она слишком балует своего ребенка, и дает советы по воспитанию; к Никострате Теано пишет утешительное письмо, так как муж моло-

дой подруги ходит к гетере, а Калисто Теано поучает в том, как правильно выбрать служанку.

Письмо Кратета к Гишархии выбрано для сравнения по содержательному принципу. От пифагорейских писем его отличает то, что с советами по воспитанию ребенка выступает мужчина, а сближает характер этих советов. Так, например, Кратет рекомендует «купать младенца в холодной воде, колыбель устроить из старого плаща, молоком кормить досыта, убаюкивать в панцире черепахи» (Письмо 33, пер. И. М. Нахова). Все это должно сделать его здоровым, стойким к лишениям и жизненным трудностям. И это то первое, что должна сделать женщина, пока ребенок маленький. Когда же он подрастет, нужно дать ему в руки посох и суму, и послать в Афины. Дальнейшим воспитанием займется муж. Теано в письме к Евбуле дает такой совет: «Подруга, ты знаешь, что растущие в роскоши дети повзрослев становятся рабами (удовольствий), уберегай их от таких удовольствий, воспитывай детей строгостью, а не негой и позволяй им переносить голод и жажду, холод и жару, и страх перед сверстниками и начальниками. Когда их держат в напряжении (ἀνατείνόμενα) или упрекают (ἐπιτιμώμενα) они становятся благородными по характеру. Труды, моя дорогая, которые для детей имеют слишком терпкий вкус (προῖποστυφαί), совершенствуют нравственность, а когда они вдоволь насыщены (ἐμβάφέντες), лучше сохраняют нравственный характер (τὴν τῆς ἀρετῆς βαφήν). Обрати внимание (βλέπε οὖν) подруга, что дети – это не тоже самое, что и виноградники: если за ними плохо ухаживают, их плоды слабеют, дети же, воспитанные в роскоши, становятся наглыми и порочными».¹⁴ В обоих письмах настойчиво рекомендуется придерживаться строгости в воспитании, не ограждать детей от трудностей и подчеркивается связь умеренного образа жизни со становлением благородного характера.

Итак, общая картина, которая вырисовывается как результат данного исследования, может выглядеть следующим образом. Имеющиеся в распоряжении доксографов поздней античности сведения о выдающихся людях древности были использованы для сочинения от их имени различных литературных произведений. Сочинение Плутарха могло послужить своего рода контекстом для написания подложных писем Теано. Другим важным событием, повлиявшим на появление писем пифагорейских женщин стало «киническое возрождение», которое ознаменовалось появлением большого числа подложных писем киников. Исследователи отмечают, что целью этих писем была пропаганда кинического образа жизни. Вписывая письма пи-

¹⁴ Перевод мой по изданию Staedele 1980.

фагорейских женщин в данный контекст, мы можем предположить, что они были созданы не только как искусные риторические упражнения, но и с целью оживить пифагорейский идеал общежития и семейных отношений. Так перед нами вырисовывается практически непрерывная история женской пифагорейской мудрости длиной в 1200 лет. Со времен классической древности и вплоть до ранневизантийского периода имя Теано появляется в разных контекстах как неумирающий образец наставницы и утешительницы женщин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bagnall, R. S., Cribiore, R. (1988) *Women's Letters from Ancient Egypt, 300 B.C. – A.D. 800*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Brodersen K., hrsg. (2010) *Theano: Briefe einer antiken Philosophin*. Stuttgart: Reclam.
- Bülow-Jacobsen A. (1981) *Letters and Mummy Labels from Roman Egypt*. Bonn.
- Derksen, L. D. (1996) *Dialogues on Women: Images of Women in the History of Philosophy*. Amsterdam, VU University Press.
- Evans, Craig A., Zacharias, H. Daniel, eds. (2009) "Advice to the Bride: Moral Exhortation for Young Wives in two ancient letter collections," *Jewish and Christian Scripture as Artifact and Canon*. London; New York, 232–247.
- Harris, W. V. (1989) *Ancient Literacy*. Cambridge, Mass.
- Harrison, S. J., ed. (2001) *Texts, Ideas and the Classics. Scholarship, Theory and the Classical Literature*. Oxford.
- Hawley, R. (1994) "The Problem of Women Philosophers in Ancient Greece," *Women in Ancient Societies: An Illusion of the Night*. Palgrave Macmillan UK, 70–87.
- Huffman, C. (2014) "The Peripatetics on the Pythagoreans," C. Huffman, ed. *A History of Pythagoreanism*. Cambridge Univ. Press, 274–295.
- Huizenga, A. B. (2013) *Moral Education for Women in the Pastoral and Pythagorean Letters. Philosophers of the Household*. Leiden: Brill.
- Montepaone, C.; Catarzi, M. (2016) "Pythagorean *Askesis* in Timycha of Sparta and Theano of Croton," *Pythagorean Knowledge from the Ancient to the Modern World: Askesis, Religion, Science*. Ed. by A.-B. Regner and A. Stavru. Wiesbaden, 135–149.
- Morello, R.; Morrison, A. D., eds. (2007) *Ancient Letters. Classical and Late Antique Epistolography*. Oxford.
- Nisticò, D. (2003) *Thèano: una pitagorica attuale*. Soveria Mannelli.
- Paton, W. R.; Wegehaupt, I.; Pohlenz, M.; Gärtner, H., eds. (1974) *Plutarchi Moralia*. Vol. 1. 2 Aufl. Leipzig: Teubner.
- Plant, M. (2004) *Women Writers of Ancient Greece and Rome: An Anthology*. Norman: University of Oklahoma Press, 68–80, 83–86.
- Rowett, C. (2014) "The Pythagorean society and politics," *A History of Pythagoreanism*, ed. by Carl A. Huffman. Cambridge Univ. Press, 112–130.
- Staedele, A. (1980) *Die Briefe des Pythagoras und der Pythagoreer*. Meisenheim: Verlag Anton Hain.

- Thesleff, H. (1965) *The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*. Åbo.
- Trapp, M., ed. (2003) *Greek and Latin Letters. An Anthology with Translation*. Cambridge.
- Waithe, M. E., ed. (1987) *A History of Women Philosophers*, Vol. 1, 600 B.C. – 500 A.D. Boston: Martin Nijhof.
- Wider, K. (1986) "Women Philosophers in the Ancient Greek World: Donning the Mantle," *Hypatia* 1.1, 21–62.
- Afonasin, E. V. (2017) "Remedium memoriae. The Peripatetic construction of the intellectual history of Greece. Dicaearchus' Biography of philosophy," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1, 271–282 (in Russian).
- Афонасин, Е. В. (2017) «Лекарство для припоминания». Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1, 271–282.
- Гаспаров, М. Л. (1983) «Греческая и римская литература II—III вв. н. э.», *История всемирной литературы*. Т. 1: Литература европейской античности. Отв. ред. И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. Москва: Изд-во «Наука».
- Жмудь, Л. Я. (2012) *Пифагор и ранние пифагорейцы*. Москва.
- Нахов, И. М. сост. (1996) *Антология кинизма. Фрагменты и сочинения кинических мыслителей*. Москва: Изд-во «Наука».
- Фрейберг, Л. А., сост. (1968) *Памятники византийской литературы IV–IX вв.* Москва.
- Юнц, Э. Г., пер.; Столяров, А. А., пер. (1999²) *Плутарх. Сочинения*. Москва: ЭКСМО-Пресс.